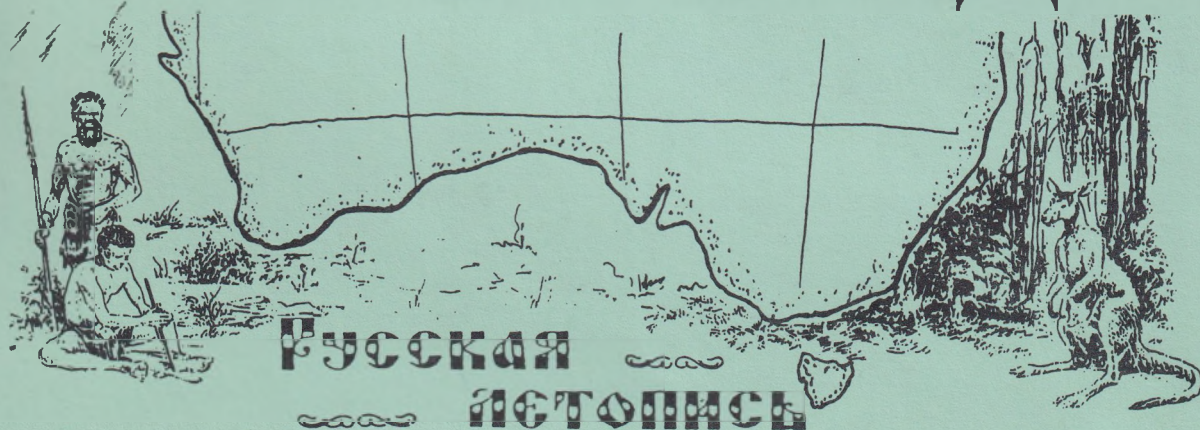

АВСТРАЛИАДА

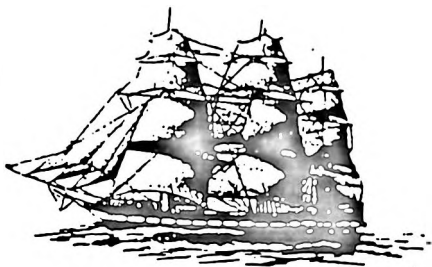
"РЫНДА" В ГОСТЯХ У АВСТРАЛИЙЦЕВ

16

СИДНЕЙ

1998 г.

Из ранней истории

Елена Говор, Александр Массов

"РЫНДА" В ГОСТЯХ У АВСТРАЛИЙЦЕВ (К 110-летию визита в Австралию)

В четверг, 19 января 1888 г., невыносимая жара, стоявшая уже несколько дней, наконец спала. Небо затянули тучи, и подул прохладный южный ветерок. Смеркалось, мягкая дымка окутала горную цепь, у подножья которой раскинулся Ньюкасл, и в городе засветились первые огни. Пассажиры экскурсионного пароходика, возвращавшегося в город из Томаго после пикника, неожиданно увидели силуэт огромного военного корабля, стоящего на якоре в Horseshoe. На флагштоке укрепления развевался британский военный флаг, и дирижер оркестра, находившегося на борту пароходика, решил, что Ньюкасл удостоился чести посещения британского военного корабля. Он заиграл гимн "Правь, Британия", за которым последовал "Боже, храни Королеву". Пароходик все ближе подходил к кораблю. В этот момент флаг на корабле расправился под порывом ветра и, к своему удивлению, музыканты увидели голубой крест на белом фоне — русский военный морской флаг. После минутного замешательства дирижер не нашел ничего лучшего, как заиграть шотландскую мелодию "Забудем нашу встречу...". Так некоторым конфузом завершилась загородная прогулка городского оркестра и начался визит в Австралию "Рынды". Но прежде, чем мы вместе с русским кораблем посетим Австралию 1888 г., надо сказать несколько слов об истории этой экспедиции и команде корабля.

Слово "рында" имеет два значения: первое, более известное, "корабельный колокол", второе, древнее, — телехранитель русских царей в 16-17 веках, его фигура и украшала нос корабля. Корабль действительно оправдывал свое имя, имея прямое касательство к царской семье. Это был быстроходный паровой корвет, построенный в 1885 г. в Петербурге по последнему слову техники. Он имел стальной корпус, бронированную палубу, 19 пушек и один торпедный аппарат. Внутреннее убранство корабля отличалось роскошью, включая одно из последних технических достижений — электрическое освещение.

Экипаж "Рынды" составлял 396 человек. Во время посещения Австралии на ее борту находилось 23 офицера, включая командира, а также судовой врач и священник. В списке офицеров обращает на себя внимание созвездие блестящих имен русских аристократов. Звездой первой величины среди них был Великий Князь Александр Михайлович (Романов), за ним следовали князь Михаил Сергеевич Путятин, князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов, граф Николай Михайлович Толстой, граф Матвей Александрович Апраксин, все в чинах лейтенантов и мичманов. Кроме того, в составе команды были представители известных русских морских династий Эбелингов, Лангов, Тыртовых, Шателенов и Кульстремов. Командиром всей этой аристократической молодежи был старый морской волк — капитан 1 ранга Федор Карлович Авелан. Такой подбор команды наводит на мысль, что этот новопостроенный корвет был, говоря современным языком, "спецкораблем" для практики и службы тогдашней "золотой молодежи". Это, конечно, не значит, что для них делались какие-то послабления во время прохождения службы: в вахтенных журналах "Рынды" можно найти записи, сделанные рукой мичмана Великого Князя Александра Михайловича, который стоял на вахтах и в штормовые ночи, и в тропический зной наравне со всеми. Но в то же время этот неофициальный особый статус "Рынды" давал ее командованию большую свободу в выборе маршрута, вызывал к ней особый интерес: во время стоянок и представлял участникам плавания прекрасные возможности не только для развлечений, но и наблюдений на берегу.

Благодаря этому и тихоокеанско-австралийский поход "Рынды" 1887-1888 гг. стал одним из самых интересных в истории экспедиций русского флота во второй половине 19 века. Морское начальство первоначально рассчитывало послать "Рынду", входившую в состав отряда судов в Тихом океане, в Татарский пролив для съемки берегов и промеров глубин. Внезапно маршрут был изменен прямо в противоположном направлении — в Южные моря, и сделано это было, как оказалось, по инициативе ... мичмана Александра Михайловича. Он писал в дневнике: "Я предлагаю чудный план, чтобы нас отправили в Сан-Франциско, потом Сандвичевы, потом Танти, Новая Гвинея, Австралия, Новая Зеландия [...] Это надо просить прямо Алексея. [...] Я бы устроил все это сам через адмирала начальника отряда, но дело в том, что он не может отпустить нас без разрешения свыше". Алексей — это Великий Князь Алексей Александрович, генерал-адмирал русского флота. Добавим, что Александр Михайлович интересовался фотографией и благодаря этому во время похода "Рынды" был подготовлен целый альбом фотографий, в том числе и Австралии.

Трудно было бы подобрать лучшего командира для обучения молодежи с "Рынды", чем ее капитан Федор Карлович Авелан (1839-1916). Выходец из Финляндии, с 10 лет он был отдан в Морской кадетский корпус, и вся жизнь его была связана с морем. Теперь он отправлялся в Австралию в третий раз. В 1871 г. он побывал в Мельбурне на клипере "Гайдамак" в чине лейтенанта, в 1881-82 гг., командуя клипером "Вестник", он посетил Сидней, Хобарт, Мельбурн и Гленелг. Его непосредственный начальник, адмирал А. Б. Асланбегов, отзывался о нем как о прекрасном командире, хорошо знающем французский и английский языки. Несомненно его дипломатические способности, которые ему пришлось применить в полной мере во время захода на Самоа. Его импозантная фигура всегда привлекала внимание и, как писала австралийские газеты, он был "истинным командиром и настоящим мужчиной".

Великий Князь Александр Михайлович

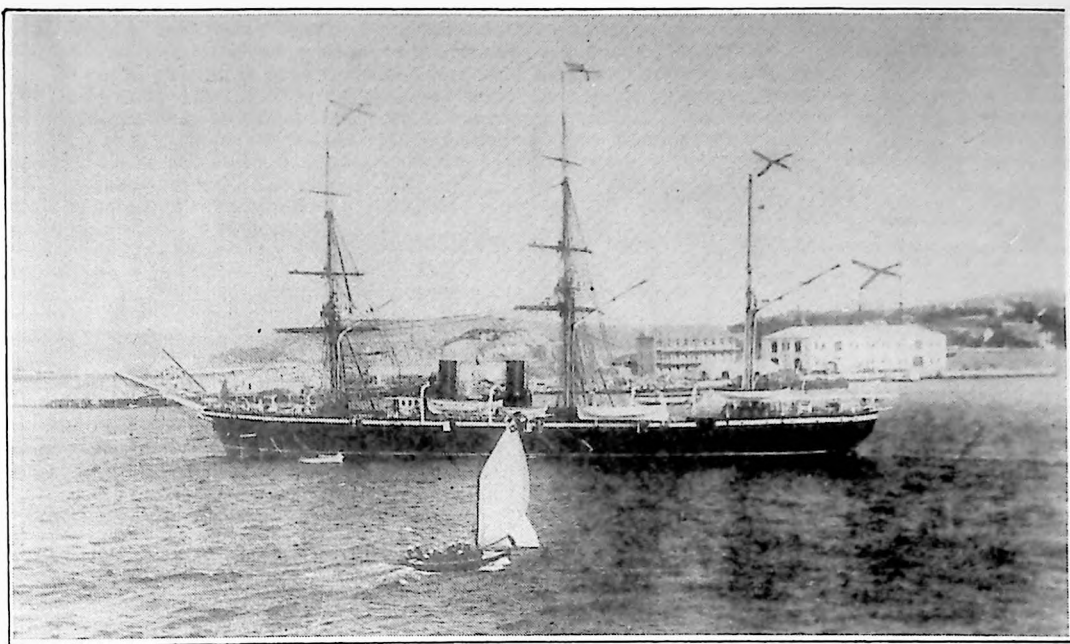
Федор Карлович Авелан

Но самой колоритной фигурой на "Рынде" был Великий Князь Александр Михайлович Внук Николая I, сын Великого Князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны (принцессы Цецилии Баденской), он был двоюродным братом царя Александра III. Хотя, благодаря своему титулу, Александр Михайлович занимал особое положение на "Рынде", он отнюдь не был изнеженным аристократом, а, напротив, отличался добросовестностью, трудолюбием и хорошими знаниями. И вообще, личность эта была незаурядная. Александр Михайлович родился в 1866 г. в Тбилиси, где его отец исполнял обязанности русского наместника на Кавказе. Воспитание в семье было простым и суровым. С 7 лет Александр и его братья жили в домашней казарме, спали на узких, жестких постелях. Подъем в 6 утра, холодная ванна, скудный завтрак, занятия фехтованием. Затем учеба—дети получили очень хорошие знания по математике и языкам (французский, немецкий, английский). Затем—военные занятия: строевые и верховая езда. В 12 лет Александр сам решил стать морским офицером. В 1885 г. после соответствующей учебы девятнадцатилетний Александр стал мичманом. Для получения следующего звания ему было положено принять участие в трехлетнем кругосветном плавании. Так Великий Князь и оказался мичманом на "Рынде". Австралийские газеты описывали его как высокого, хорошо сложенного, красивого юношу со смуглым цветом лица и "со всеми отличительными чертами, присущими Романовым", и, в то же время, "скромного и спокойного по натуре".

По дороге в Австралию "Рында" зашла в Порт-Морсби, центр английского протектората на Новой Гвинее, участники экспедиции детально описали жизнь этого крошечного европейского форпоста и свои встречи с папуасами. Оттуда "Рында" двинулась на юг—впереди лежала Австралия. Александр Михайлович прекрасно передал чувство, охватывавшее его в тихие утренние часы на вахте: "Я стою на носу,—среди молочных облаков блестит созвездие Южного Креста,—я глубоко вдыхаю аромат тропических лесов [...] а вокруг тишина... Чудесная тишина военного корабля на рассвете. Полная глубокого значения. Проникнутая величием вселенной. Дарящая просвещенным прозрение. Трудно себе представить, что там где-то есть Россия, что где-то позади остался Император, Царская семья, дворцы, церкви, парады, казаки, величавая красота отягощенных драгоценностями женщин". Русские моряки ждали от встречи с Австралией чего-то необычного. Корреспондент австралийской газеты сообщал, что Авелан и Михаил Путятин, не в первый раз посещающие Австралию, "так много рассказывали о стране, что разожгли любопытство у всей команды, и когда наконец показался австралийский берег, все бросились к борту".

Знакомство с Австралией "Рында" начала с Ньюкасла. Формальным поводом к заходу была загрузка корабля углем, однако, несомненно, была и другая причина—сбор информации (посещение Ньюкасла предписывалось в специальной телеграмме Морского министерства). Этот важный центр уголедобычи давно интересовал министерство, кроме того, возможно, что на интерес к нему морского начальства повлиял и Н.Н.Миклухо-Маклай. Его планы создания русской колонии для защиты островитян в Тихом океане хорошо известны. Менее известно, что, надеясь на помощь царского правительства, Миклухо-Маклай со своей стороны предложил информировать его о политической обстановке в Океании. Получив предписание сообщить, по печатным источникам, о приготовлениях в Австралии на случай войны России с Англией, о расположении укреплений, угольных станций и т.п., Миклухо-Маклай писал в Морское министерство в 1886 г.: "Завладение местом добыwania хорошего угля, мне кажется, может оказаться первостатейной важности. Я говорю о Ньюкастле в колонии New South Wales. Несколько сотен китайцев, привезенных из одного из портов Китая, под руководством и начальством 2 или 3 распорядительных горных инженеров, могут привести значные копи Ньюкасла в надлежащий порядок и превратить их в источник снабжения военных судов углем. Насколько мне известно, Ньюкастл укреплен очень незначительно и вовсе несообразно со своим значением". И действительно, добыча угля и система обороны займут главное место в отчете Авелана об этом визите.

... Русские и не подозревали, какой переполох они вызвали в Ньюкасле. Собравшиеся на берегу жители делали предположения о национальности приближавшегося с севера корабля. Позже местные корреспонденты

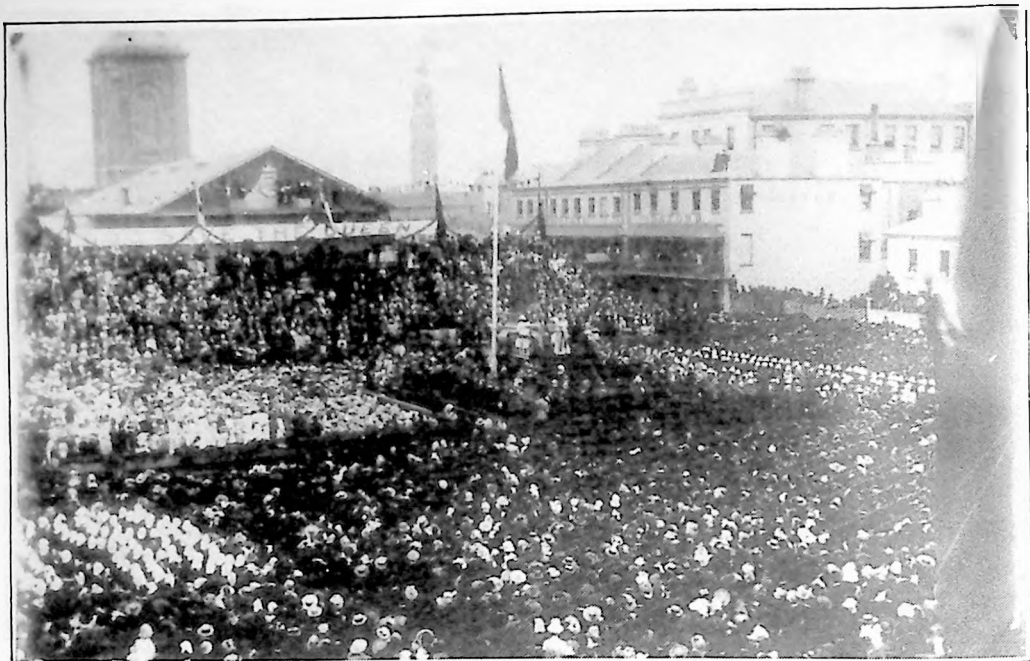

"Рында" в Сиднее.

ты никак не могли найти истину—какой же все-таки сигнал был поднят на форте: "Видю английский военный корабль", или немецкий. Факт тот, что никто не догадался, что "русские пришли", до тех пор пока "Рында" не вошла в порт и не запросила лоцмана. Грозный Форт Скратчли, построенный для защиты Ньюкасла от русских, потерпел фиаско. Надо сказать, что это был не первый случай, когда русские заставляли береговые укрепления—построенные для защиты от русских!—врасплох. Например, в 1862 г. "Светлана" вошла в Порт Филлип и запросила форт, ответят ли они на ее орудийный салют. Австралийцы вынуждены были признаться, что ответить на салют они не смогут, т.к. в форте не нашлось пороха. (Этот случай обсуждался даже в парламенте). В 1882 г. три русских корабля, кстати с Авеланом и Путятиным на борту, вошли в Гленелг и простояли там неизвестные всю ночь.

Но вернемся в Ньюкасл. Как сообщала местная газета, первый вечер Великий Князь "и его свита" провели на берегу в Great Northern Hotel. На следующий день, 20 января, согласно газетному репортажу русские моряки "скупили в местном книжном магазине все имевшиеся в наличии карты и планы гавани Ньюкасла". В это время Великий Князь, в одиночестве и никем не опознанный, отправился осматривать город. В тот же день капитан Авелан и лейтенант Иван Ланг были приняты мэром города и местным начальством. К разочарованию австралийских хозяев Великий Князь на приеме отсутствовал—он предпочел осматривать гидравлические краны и мастерские. Прием шел своим чередом, мэр, приветствуя русских, выразился с осторожностью дипломата: "мы рады видеть любых высоких гостей, не взирая на их национальность" (очевидно, он предпочитал не упоминать слово "русские", ведь не так давно для защиты от них были собраны деньги на форт). Тем не менее он не упустил случая связать по поводу сиднейцев, которые предоставят морякам, конечно, больше развлечений, в то время как у жителей Ньюкасла очень мало времени для увеселений. На это русские тут же выразили желание посетить угольную шахту. Все-таки ньюкаслцы провезли русских в экипаже по городу, поднявшись, в частности, на вершину холма, к форту Скратчли, откуда открывался панорамный вид на город и окрестности. (Позже Авелан даст детальное описание форта в отчете в Морское министерство). Местная газета писала, что русские офицеры послали в этот день длинные шифровки в Петербург и Гатчину. Отметим, кстати, что Петербург действительно проявлял особое внимание к плаванию "Рынды"—родители Александра Михайловича засыпали морское начальство телеграммами с запросами о климате посещаемых мест, о маршруте плавания и т.п. Особенно волновались они, когда, в ходе дальнейшего плавания, их сын повредил ногу на охоте в Новой Зеландии.

На следующий день утром ньюкаслцы были перепуганы, услышав орудийные залпы. Вскоре выяснилось, что русские отнюдь не захватывают Ньюкасл, а обмениваются приветственным салютом с фортом Скратчли (в этом форте порох был). Затем народ, собравшийся на пристани, увидел блистательную процессию—капитан Авелан и восемь офицеров (включая Великого Князя, двух графов и принца) были встречены мэром и олдерменами; лучший экипаж был предоставлен для мичмана Романова, капитана и мэра и живописная процессия отправилась осматривать Лэнтонскую угольную шахту. Там они буквально засыпали вопросами управляющего и, помимо наружного осмотра, пожелали спуститься и в основной туннель. Репортер особенно подчеркивал глубокий интерес Великого Князя к технике. Вечером он с другими офицерами отправился вверх по реке Хантер до Раймонд Тэррес. Кто был разочарован интересами Князя, так это посетители Театра Викторни. Его дирекция два раза подряд сообщала в местной газете, что на вечернем спектакле будут "высокие гости" и оба раза они не оправдывали ожиданий публики. "Не верьте принцам",—иронизировал на следующий день местный репортер. В воскресенье, 22 января, перед отплытием священник "Рынды" Агафангел на борту корабля провел службу, вызвавшую большой интерес горожан. На ней присутствовал русский, волей судьбы занесенный в Ньюкасл, и трое греков. В полдень "Рында" покинула Ньюкасл. Русский долго стоял на пристани глядя ей вслед...

Открытие памятника королеве Виктории в Сиднее 24 января 1888 г. Снимок моряков корвета "Рында"

Так прошло четырехдневное пребывание "Рынды" в Ньюкасле. Каковы же были впечатления русских и австралийцев друг о друге? Русские моряки составили детальное экономическое, стратегическое и гидрографическое описание Ньюкасла. Основное внимание в отчете капитана и судового врача Павла Александровича Бурцева уделялось добыче угля, в частности Авелан высоко оценил технические новшества при погрузке угля на корабль. Что касается военно-стратегических материалов, собранных русскими в Ньюкасле и в других портах—таких как описание укреплений и план гавани,—то надо подчеркнуть, что это был отнюдь не шпионаж в современном смысле слова, сбор такой информации был повседневной практикой военных кораблей всех стран и делался по открытым источникам. Сам Ньюкасл, по-видимому, не произвел большого впечатления на русских. "Это огромный склад угля и шерсти...—писал Бурцев,—город совершенно лишен зелени". В то же время он отмечал, что город уже имеет музей с богатыми образцами доисторической флоры и фауны, найденных во время горных работ.

Что касается австралийцев, то в их душе боролись два чувства по отношению к русским—страх и любопытство. В восприятии австралийцев Россия, в силу ее исторических и социально-этнических особенностей, как нельзя лучше соответствовала роли классического жупела еще с 1830-х годов. После Крымской войны австралийцы испытывали пароксизмы страха перед русским вторжением в 1863, 1882 и 1885 гг. В Ньюкасле эти страхи нагнетались в 1870-х гг., когда и был построен Форт Скратчли. Неожиданное появление "Рынды" снова возбудило эти страхи, местная газета писала, что "некоторые опасались, что "Рында" пришла со зловещим планом поднять нас всех на воздух". И хотя перед обменом салютом газета с юмором успокаивала ньюкаслцев: "Не бойтесь, о, вы, жители Ньюкасла, не думайте, что началась первая в австралийской истории бомбардировка ее территории", все-таки не обошлось без паники. Но та же газета в передовой статье "Свободная торговля и Великий Князь" выражала и серьезные опасения. Согласно логике автора покупка русскими планов гавани Ньюкасла "несомненно приведет сюда дюжину русских броненосцев, которые приведут разрушение и возможно лишат нас национальной независимости".

И все же интерес к русским был сильнее подозрений и страха. "Великий Князь и его свита" стали темой дня. Доморожденные генеалоги возвели родословную Романовых к некому литовскому принцу, а отцом Великого Князя объявили Чарльза I Вюртембургского. Но были и более здравые наблюдения. "Чем выше русский аристократ, тем дружелюбнее он по отношению к тем, кто ниже его. Так ли ведут себя так называемые австралийские "аристократы"?—вопросила газета. Австралийцев заинтересовали три черты русских—музыкальность, православие и дисциплина. Хотя из-за погрузки угля доступ на корабль для посетителей был закрыт, на берегу, когда играл оркестр "Рынды", собрались сотни слушателей, особенно сильное впечатление на них производил "трогающий за душу русский национальный гимн". С интересом описывали корреспонденты православную службу на борту корабля, восхищались строгой превосходной дисциплиной. Русские покидали Ньюкасл, завоевав сердца и развеяв страхи ньюкаслцев. "Наши русские гости высмеивают идею большой европейской войны",—писала газета.—Великий Князь Александр Михайлович проявляет большое уважение ко всему английскому и надеется, что между двумя великими державами всегда будут дружеские отношения".

Жаркий воскресный день 22 января "Рында" провела, двигаясь вдоль живописных берегов между Ньюкаслем и Сиднеем. Солнце уже склонялось к западу, когда она вошла в Порт Джексон и бросила якорь у входа в залив Вулумулу. Ранним утром следующего дня Сиднейская гавань предстала перед русскими моряками во всей красе. Много лет спустя, вспоминая свое путешествие, Александр Михайлович писал, что она показалась ему одной из самых красивых в мире. В отчете в Морское министерство Авелан сообщал, что в Сиднее он застал приготовления к празднованию столетия основания колонии, что дает основания

предположить, что "Рында" просто случайно оказалась здесь во время юбилея, тем не менее вскоре весь экипаж корабля оказался вовлеченным в юбилейные торжества и развлечения.

Героем дня опять стал Великий Князь. На следующий день по прибытии корвета Лорд Кэррингтон, губернатор Нового Южного Уэльса, отправил экипаж за Александром Михайловичем для доставки его в Дом Правительства (Форт Маквори). Великого Князя сопровождали, как писали газеты, "два члена его штата" (1). Общество Лорда Кэррингтона (1843-1928), близкого друга английской королевской семьи, и его супруги конечно больше подобало Его Императорскому Высочеству, чем рубка корабля. Однако сиднейцев ждало разочарование: присутствие Александра Михайловича на государственных торжествах в качестве официального гостя оказалось невозможным, так как, согласно законам Российской Империи, посетители не могли участвовать в государственных церемониях иностранной державы. Иногда же он не мог принимать приглашения, так как должен был отстаивать вахты наравне с другими офицерами. 24 января русские вновь отправились в Дом Правительства. На этот раз они были гостями Леди Кэррингтон. Лили Кэррингтон, недавно приехавшая из Лондона, имела, по отзыву Миклухо-Маклая, "репутацию хорошенькой и очень любезной женщины". Злые языки уверяют, писал он, "что очень заметное внимание одной высокопоставленной особы в Лондоне к леди Кэррингтон было) главным поводом, что ее муж, несмотря на свое богатство, сам добивался получить место губернатора в колониях". И во время этого визита самым почетным гостем был молодой русский мичман, а остальные офицеры в репортажах фигурировали как его свита. Среди гостей был патриарх австралийской политики Генри Паркс.

Четверг 26 января стал основным днем юбилейных торжеств. С утра "Рында" как и все суда, стоящие в заливе, расцвелились флагами, а в полдень с военных судов и фортов был произведен салют наций в 21 выстрел, в котором "Рында" также принимала участие. Вечером в здании бывшей всемирной выставки колониальные власти дали государственный банкет на 1000 персон, на котором присутствовал Авелан. В своем отчете он отмечал, что "город и все парки и сады были в этот вечер блистательно иллюминированы". В тот же день обнаружилось, что русские могут оказать существенную помощь организаторам пикника в Национальном парке для подростков из бедных семей, которые уже сами зарабатывали на хлеб. Английский фрегат "Нельсон", который должен был прислать оркестр для развлечения публики, не успел придти в Сидней. Для спасения положения организаторы пикника решили пригласить оркестр "Рынды"—слава о нем уже успела дойти от Ньюкасла до Сиднея. Австралийские газеты и в этом случае сумели в центр события поместить Великого Князя. Они сообщали, что депутация организаторов пикника явилась на "Рынду" и "обратилась к Авелану с тем, чтобы он попросил Его Императорское Высочество Великого Князя о том, чтобы он позволил своему оркестру играть на пикнике... На что было дано милостивое согласие." Оркестр, конечно, был корабельным и отнюдь не состоял в ведении мичмана Александра Михайловича, но, как видно, даже присутствие имени Великого Князя льстило тщеславию австралийцев. 27 января оркестр играл почти непрерывно весь день в Национальном парке. Газеты отмечали мастерство русских музыкантов и самокритично признавали, что оркестр такого уровня не часто можно встретить в австралийских колониях.

30 января утром русские офицеры присутствовали на закладке нового парламента. Вечером состоялся министерский обед в парламенте, устроенный правительством Нового Южного Уэльса. Авелан в своем отчете с явной иронией рассказывал об этом обеде: "Обед этот, затянувшийся далеко за полночь, походил более на парламентские дебаты, ибо он прошел весь в спичах, которые говорились всеми губернаторами, председателями верхних и нижних парламентских палат и представителями прессы всех колоний. Тема этих спичей преимущественно вращалась около идеи соединения или федерации таможенных доходов, причем, конечно, часть была за эту идею, а другая - против." Такая ирония по поводу страсти англосаксов к дебатам была характерна и для других русских путешественников, посещавших Австралию в эти годы. Многие из них несомненно сочувствовали идее демократии, однако ее практическое воплощение казалась им зачастую странным.

31 января в здании выставки сиднейцы устроили праздник для матросов военных и коммерческих судов, находящихся в гавани. Среди 2000 приглашенных сто составляли матросы с "Рынды". Здание выставки было великолепно украшено. Над помостом, предназначенном для губернатора и его свиты, был австралийский герб, а по сторонам его располагались русский и французский флаги, в то время как флаги других стран были расположены вдоль стен. По центру зала шли сервированные столы. Обстоятельный Авелан отмечал, что "угощение состояло из холодных мясных блюд, пирожного и фруктов; для питья подавали лимонад, содовую воду и по пол-бутылке пива на человека." Каждому матросу также выдавали трубку, пару сигар и коробку восковых свечек. В начале девятого по помост взошли почетные гости. В газетном репортаже Александр Михайлович был назван четвертым по счету, вслед за лордом и леди Кэррингтон и вице-адмиралом Фэйерфаксом. Леди Кэррингтон был преподнесен букет от английских матросов, а влед за тем, под звуки русского национального гимна, на помост поднялся русский боцман и, поцеловав руку леди Кэррингтон, вручил ей огромный букет цветов, на лентах которого было вышито по-английски "от русских моряков". "Наш букет вышел значительно изящнее и богаче, [чем английский]", - не упустил случая отметить в своем отчете Авелан. Лорд Кэррингтон тут же произнес импровизированную речь, в которой он от имени своей супруги благодарил русских моряков за столь неожиданный и изысканный подарок. "Мы приветствуем в водах Порт Джексона, - продолжал далее Кэррингтон, - великолепный корабль "Рында", мы приветствуем доблестных моряков, которые плавают под голубым крестом Святого Андрея, и мы особенно приветствуем, хотя и не имеем права делать это официально, высокого гостя, близкого родственника Его Величества Царя. Хотя мы и не имеем права оказать ему официальный прием, наши сердца оказывают ему подлинно царский прием". По-видимому, леди Кэррингтон действительно была тронута вниманием русских, так как в тот же вечер она написала благодарственное письмо "джентльменам" "Рынды", в котором благодарила за великолепный букет и обещала всегда хранить ленту с надписью.

1 февраля, в день окончания празднеств, состоялся великолепный фейерверк. "Рында" и другие суда стали напротив залива Фарм Ков, и по сигналу зажигали иллюминацию, которая меняла цвета от белого к красному и зеленому. Матросы, стоя на концах рей, зажигали разноцветные бенгальские огни. Свет был так ярък, что временами стройный силуэт "Рынды" был виден до мельчайших деталей. Иллюминация кораблей сопровождалась фейерверками с берегов и фортов. Все берега залива были заполнены восторженными зрителями. "Рында" оставалась в центре внимания и после завершения торжеств: 2 февраля ее посетил лорд Кэррингтон с супругой. При съезде в честь них "Рында" салютовала 17 выстрелами. Надо сказать, что помимо

Князь Михаил Сергеевич Путятин

официального протокола между Александром Михайловичем и Кэррингтонами установились дружеские отношения. Они отзывались о нем как о "милом интеллигентном юноше" и обменивались с ним письмами и фотографиями и после ухода "Рынды". Год спустя леди Кэррингтон писала: "Я Вам очень очень благодарна за Вашу теплую память обо всех нас. Мы часто и с большим удовольствием вспоминаем Ваш визит в Сидней и те несколько дней, что Вы провели у нас с графом Ниловым. Как замечательно было бы, если бы Вы смогли остаться у нас подольше". Заметим, что Константин Нилов вовсе не был графом, но видимо австралийцы не могли допустить и мысли, что спутником Великого Князя может быть простой лейтенант.

Корабельная жизнь шла своим чередом. К 8 февраля была завершена полная переборка машинного корвета и закончена окраска бортов и наружных частей "Рынды". 9 февраля в 9 часов утра корвет покинул гостеприимный Сиднейский рейд и под парусами направился на юг. 12 февраля "Рында" прибыла в Мельбурн, произведя королевский салют в 21 выстрел. Репортеры, как и в предыдущих портах, во всех деталях описывали устройство и вооружение корабля, восхищались корабельным оркестром. Они отмечали, что им был оказан "любезный прием" со стороны офицеров, которые "хорошо изъясняются по-английски", русские же матросы показались им настоящими молодцами. Однако уже несколько дней спустя "Эйдж" начал кампанию за ужесточение условий входа иностранных военных судов в гавань Мельбурна. Военный арсенал "Рынды" и ее потенциальные возможности для атаки служили

убедительными аргументами; газета отмечала, что "Рында" без труда может повредить оборонные укрепления, используя свои пушки и торпеды. В других статьях говорилось о грядущей войне между "полудикой и деспотичной Россией" и Англией. Тем не менее мельбурнцы проявили положенное гостеприимство, с гордостью подчеркнув: "Для нас не имеет значения национальность чужестранцев". 22 февраля состоялся прием в Таун-Холле с исполнением органной музыки, через два дня — прием в Мельбурнском клубе. Побывал на корабле с визитом и мэр Мельбурна.

Официальная политика и страх русской угрозы не помешали контактам между командой корабля и берегом. Более того, пребывание "Рынды" в Мельбурне было причиной двух любовных трагедий. В ночь на 3 марта с корабля бежал торпедный машинист I статьи Иван Егоров, человек хорошего поведения, имевший жену и детей. Причиной побега стало его увлечение местной женщиной. По договоренности с ней ночью к корвету подошла шлюпка, на которой и бежал Егоров. Дальнейшая судьба его остается неясной. Вторая история была еще более романтической. В архиве Великого Князя сохранилось его письмо родителям: "Посылаю вырезку из мельбурнской газеты про меня, что будто бы я влюбился по уши в актрису Нелли Стюарт. Очень ошиблись, это не я, а Путятин, но все-таки забавно". Очаровательная Нелли завоевала сердца русских моряков еще в 1882 г., когда Путятин в первый раз побывал в Мельбурне. Теперь, шесть лет спустя, любовь была взаимной. В своих воспоминаниях Нелли писала: "Русский принц, — да, настоящий принц — как он добивался моей руки у моей матери! Но я не могла, Дик был жив и развода не было. Я часто думаю, что было бы со мной, если бы я вышла замуж за принца и уехала в Россию. Я слышала, что позже он был убит на войне. Он так никогда и не женился".

6 марта "Рында" покинула Мельбурн, впереди были Новая Зеландия и острова Фиджи, Самоа, София, Уалан. Годы спустя, в изгнании, Александр Михайлович напишет: "Воспоминания об этих местах возбуждают во мне острую тоску, которая одно время даже была причиной моего намерения отказаться от титула и остаться навсегда за-границей. [...] Я часто вспоминаю обо всем этом после революции, и мне кажется, что далекий остров где-нибудь на Тихом океане был бы самым подходящим местом для человека, жизнь которого была исковеркана колесами истории. [...] Быть может, когда-нибудь мои мечты сбудутся. Как ни грустно посетить снова места, где я был счастлив сорок лет тому назад, я твердо верю, что ни океан, ни тропические леса, ни горы мне не изменят. Изменяют только люди..."

Источники: Фотографии из фонда Центрального военно-морского музея в Санкт-Петербурге; Ф.К.Авелан, "О плавании корвета "Рында" из Нагасаки в Австралию и обратно", —РГАВМФ, фонд 417, оп.1, д.360, "О плавании отряда судов в Тихом океане под командованием контр-адмирала А.А.Корнилова", —РГАВМФ, ф.417, оп.1, д.308, л.172-225; ГАРФ, ф.645 (Александр Михайлович Романов), оп.1, д.201, л.1, 4, 8; д.70, л.4 об.; д.6, л.26 об.-27; Ф.К.Авелан, Корвет "Рында". Извлечение из рапорта командира капитана 1-го ранга Авелана 4 февраля 1888 г., —Морской сборник, 1888, т.226, № 7, часть официальная, с.4-9; Александр Михайлович, Книга воспоминаний, Париж, 1980, с.93, 95, 108-109; П.А.Бурцев, Ньюкастль (Из срочных донесений с корвета "Рында"), Медицинские прибавления к Морскому сборнику, 1888, № 11, с.369-370; Н.Н.Миклухо-Маклай, Собр. соч., т.5, М., 1996, с.433, 436; *Australians 1888*, Broadway, 1987, pp.10-11; N. Stewart, *My Life's Story*, Sydney, 1923, p.64; *Newcastle Morning Herald*, 1888, 20 January, pp.4, 5, 8; 21 January, p.4, 5, 6; 23 January, p.4, 6; *Sydney Morning Herald*, 1888, 23 January, p.10, 11; 24 January, p.9; 25 January, p.5; 27 January, p.9; 28 January, p.10; 1 February, p.7; 2 February, p.5; *Argus*, 1888, 13 February, p.7, 8; 25 February, p.11; 7 March, p.7; *Age*, 1888, 13 February, p.5; 16 February, p.4; *Age*, 18 February, p.5; 21 February, p.4; 23 February, p.4